

Не хлебом единым и не картошкой...

Международные дела, оборона страны отнимали у отца много времени, но не они, а сельское хозяйство и строительство жилья по-прежнему оставались в центре внимания. Пища и крыша над головой – что может быть важнее этого. Разобравшись с целиной – дела там налаживались, если погода не подведет, будем с хлебом – отец взялся за животноводство.

«Не хлебом единым сыт человек, к столу еще нужно подать и мясо, и масло, и сметана не помешает», – повторял он в своих выступлениях. На сентябрьском Пленуме ЦК в 1953 году отец заговорил о рационе советского человека, очень далеком от рассчитанных у нас же, научно обоснованных норм питания. С осени 1953 года дела сдвинулись, но коренного перелома не произошло. У советских людей царили на столе хлеб и картошка, тогда как на Западе отдавали предпочтение мясной продукции.

Выступая на открывшемся 25 января 1955 года, посвященном животноводству Пленуме ЦК, отец поставил задачу: к 1960 году, за пятилетку, увеличить производство мяса и молока в 2 раза, яиц – в 2,2 раза, шерсти – в 1,8 раза, что позволит нам приблизиться к приемлемым нормам потребления на душу населения.

В докладе отец, как обычно долго и подробно, с множеством цифр, объяснял, как, по его мнению, можно «мясо нарастить».

Тогда же отец обнародовал уточненную цифру потребного стране валового сбора зерна: 160 миллионов тонн – почти в два раза больше, чем собрали в 1954 году и на 32 миллиона тонн больше, чем Маленков назвал в октябре 1952 года в отчетном докладе XIX съезду КПСС, объявив, что зерновая проблема в СССР решена окончательно. Спустя три года после XIX съезда «зерновую проблему» приходилось решать заново.

В чем тут дело? Не только в том, что цифры Маленкова оказались дутыми, и изрядно. За прошедшие годы произошли немалые изменения в стране. Отец привел шесть объективных причин в обосновании 160-миллионнотонного урожая, среди них – ежегодный прирост населения на три миллиона человек, и, главное, теперь мы начали учитывать потребление зерна не только людьми, но и на корм скоту. Раньше об этом не думали. Недостающее зерно отец предлагал получить за счет посевов кукурузы. В ее початках зерна несравненно больше, чем в пшеничном колосе, а питательность такая же. Конечно, кукурузный хлеб большин-

ство населения есть не станет, россияне, в отличие от румын и португальцев, к нему непривычны, но кормовая добавка получится отменная. Правда, придется потрудиться, приучить земледельцев к новой культуре. Здесь, задолго до поездки в Америку, отец ссылался на опыт США: «Кукуруза не нами выдумана, в Америке кукурузное зерно составляет 55 процентов от урожая и почти все идет на корм скоту. У нас зерно в большинстве районов не созревает, придется косить кукурузу на силос, косить ее столько, чтобы до весны буренкам хватило».

Он внимательно изучил опыт американцев, переговорил с большинством наших сельскохозяйственных академиков и не сомневался: основной упор надо сделать на силос из стеблей недозревшей кукурузы. Смешав их с зерном, гороховым и соевым сеном, мы получим столько кормов, что хватит и для колхозов с совхозами, и для всех иных владельцев сельскохозяйственной живности. Пока же кормов недоставало катастрофически и в колхозах с совхозами, но особенно у частных.

В прошлом году отец радовался: количество коров в индивидуальном подворье резко возросло. Но коровы хотят есть, а кормить их нечем. Колхозных сенокосов не хватало и для общественного скота, о силосе из кукурузы пока больше говорили. В магазинах ни силоса, ни сена не продавали, да и не существовало таких специальных магазинов. Если живущие в пригородах владельцы скота «решали» проблему кормов в булочных, то крестьяне обкашивали обочины дорог, прогалины и опушки лесов. То и дело возникали скандалы с дорожными мастерами и лесничими. Они тоже держали коров и считали эти укусы своими.

Всеобщим бедствием стали потравы полей, особенно ранней весной, в самую бескормичу. Коровы как бы случайно, без участия хозяев, забредали на поля и не столько съедали, сколько вытаптывали озимые посевы. А с вытоптанного поля какой урожай? Сторожа не могли за всем уследить, поля обширные, а коров стало куда больше, чем в еще недавнем прошлом. При Сталине за выпас скота на колхозных озимых давали срок. Теперь, когда государство дозволило своим гражданам иметь живность, оно же, если следовать логике, должно озаботиться о кормах. Иначе откуда им взяться? В централизованной экономике все централизовано. Возникшее противоречие разрешалось извечным российским манером: чего нельзя купить, но можно утащить, надо тащить. И никакие меры, кроме драконовско-сталинских тут не помогут. Отец ограничился полумерами.

18 января 1955 года газеты опубликовали Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за потраву посевов в колхозах и совхозах, выпас скота на озимых, вырубку лесонасаждений». Новое постановление устанавливало штрафы: за выпас на озимом поле коровы или верблюда брали по 50 рублей с головы, с овцы или козы – 25, за курицу – пятерку. Установили штраф и за проезд по посевам тракторов и грузовиков. Меры принимались как временные, как только кукурузе разрешится проблема кормов, их собирались отменить. Надеялись, что скоро. Отец понимал, что все его призывы к наращиванию сельскохозяйственного производства, так же, как и запреты, не сработают, если не нащупать схему, при которой крестьянский труд перестанет быть принудительным, из-под палки, за палочки трудодней. Отец об этом говорил уже второй год, но выстроить взаимоотношения, при которых и государство бы не пострадало, и крестьяне-колхозники ощутили бы заинтересованность в собственном труде, никак не получалось. Казалось бы, все яснее ясного: дать крестьянам свободу производить, что им выгодно. Выгода образуется от продажи плодов своего труда государству, ведь оно у них единственный покупатель.

Какие-то шаги в этом направлении отец уже сделал, вернее продекларировал, но реализация их наталкивалась, с одной стороны, на страх – вдруг крестьянин посеет не то и не так и оставит и так не очень сытые, города на бобах, а с другой, установленные государством сверхнизкие, разорительные для производителя закупочные цены делали смешными любые разговоры о доходности крестьянского труда. Цены подняли осенью 1953 года, но недостаточно. Крестьяне по-прежнему платили государству за технику, горючее, удобрения много

больше, чем государство платило им за зерно, картошку с капустой и другие продукты. Против дальнейшего увеличения закупочных цен восставало Министерство финансов: свободных денег в стране нет. Здесь мы снова возвращаемся на круги своя. Чтобы заинтересовать крестьян, платить им за их труд столько, сколько он стоит, следовало поднять розничные цены на хлеб, мясо, молоко, масло, сбалансировать их с закупочными. На такую идеологически недопустимую меру отец не решался, искал дополнительные средства в бюджете, то за счет сокращения военных расходов, то за счет удешевления строительства, за счет всего, чего только можно. Какие-то ресурсы находились, закупочные цены немного повышались, но недостаточно, все упиралось в неразрешимую несогласованность цен на противоположных концах цепочки производитель – потребитель.

В дополнение ко всему, новации вязли в трясине проволочек, чинимых боявшимися потерять власть мелких и не очень мелких начальников. Они постоянно пугали отца, что стоит дать чуть больше свободы колхознику, и все пойдет прахом. Игнорировать их слова отец не мог, действительно все могло так сложиться. Получался замкнутый круг: преобразования невозможно провести, минуя местное начальство, обкомы, райкомы и иже с ними. Им же главное – отчитаться. А отчитываться они умели. На Пленуме отец призвал оценивать стадо не по количеству голов, не по рогам, «не рога нам нужны, а мясо и молоко», но во главу угла поставить продуктивность. Местные начальники отчитываются по спущенным сверху показателям, к запланированной кем-то наверху дате: прикажут считать по рогам, будут считать по рогам, теперь предложили отчитываться живым весом скота и надоемным молоком – тоже не проблема. К новым требованиям приспособились быстро.

Итоги подводили к 15 октября, ни днем позже, ни днем раньше. К отчетной дате начали «придерживать» скот, подкармливать его, а после 15 октября – хоть трава не расти, хоть корова не доись. Отчитавшись по всей форме, через месяц на мясокомбинаты пригоняли дистрофиков.

8 который раз отец попытался отыскать магическую палочку-выручалочку, и все без толку. Сколько он их еще переберет... Слова сотрясали воздух, энтропия сопротивлялась изо всех сил, порядок не желал наводиться, чуть отпустишь вожжи, и все вновь затягивается трясинной. Отец не терял ни оптимизма, ни энергии, не получалось так, тут же начинал действовать иначе, ведь под лежащий камень вода не течет.

9 марта 1955 года газеты опубликовали Постановление ЦК КПСС и Правительства, устанавливающее новые правила планирования на селе. Отменялась ненужная детализация спускаемых из Министерства сельского хозяйства, планов, во главу угла ставился объем товарной продукции хозяйства. Совету Министров, министерствам предписывалось ограничить свою активность установлением заранее объемов государственных закупок, а колхозы и совхозы пусть по-своему решают, что и на каких площадях сеять, сколько и какого скота содержать. В конце года рассчитываются с государством, и все оставшееся – твое.

Тем же постановлением машинно-тракторные станции (МТС) – государственные предприятия, пашущие землю колхозам и совхозам, убирающие им урожай (за его изрядную долю), переводились с бюджета на хозрасчет. Им предписывалось самим зарабатывать себе на жизнь, научиться считать не только расходы, но и доходы, сводить баланс. Иначе, считал отец, толку не добьешься. Каждый обязан жить по средствам, одни – лучше, другие – хуже, как поработают, так и заживут.

Хозрасчет – слово не новое, его употребляли со времен нэпа, и тогда употребляли со смыслом. Оно обесценилось в период сталинской абсолютной централизации экономики. Какой тут хозрасчет, если чуть отступишь от спущенных сверху инструкций, сделаешь шаг влево или шаг вправо, и ты уже «враг народа», даешь показания о своей «вредительской деятельности», а дальше... Что дальше – испытали на своей шкуре миллионы.

Теперь отец пытался вернуть хозрасчету реальное содержание. Разуверившись в сельских партийных районных секретарях, особенно в председателях колхозов, отец решил: новые идеи должны воплощать в жизнь новые люди. 25 марта 1955 года газеты опубликовали решение об отправке в колхозы «на укрепление» 35 тысяч «добровольцев» из горожан. Инженеры, учителя, просто люди с головой волеют, по мысли отца, свежую кровь в оскудевшие колхозные артерии. Люди образованные, фантазировал отец, наведут в колхозах порядок, поставят производство на современные рельсы. Слушая его рассуждения, я верил и не верил, точнее, хотел верить, но в глубине души сомневался. Отец же ссылаясь на опыт своей молодости. Тогда, в тридцатые годы, тоже отправили на село 30 тысяч горожан и, по мнению отца, не без пользы.

Сейчас тоже оказалось «не без пользы», но и не с особой пользой. Кое-кто из откомандированных пришелся ко двору и даже добился заметных успехов, прославился, о таких писали в газетах. Большинство же «покрутилось» в деревне, пока не спал запал, и вернулись по домам. Оно и естественно, крестьянская жизнь не всякому горожанину по нутру. Коренного переворота на селе новые 35-тысячники не совершили.

Почти сразу после Пленума ЦК отец, по примеру прошлого года, отправился колесить по стране. Он призывает, накачивает, проверяет, возмущается, кое-где восхищается, другими словами, как может, борется с энтропией.

15 – 18 февраля 1955 года отец на Украине объезжает прилегающие к Киеву колхозы, а затем выступает на Пленуме Украинского ЦК. 17–18 марта он – в Саратове, выступает на совещании работников сельского хозяйства юго-восточных областей. 28 марта в Воронеже встречается с учеными местных сельхозинституты, 30 марта выступает на совещании аграриев Центрально-Черноземных областей, а на следующий день беседует с секретарями райкомов. 7 апреля отец проводит в Кремле совещание работников Центрального Нечерноземья, а 12 апреля в Ленинграде – аналогичное мероприятие с представителями Северо-Западного региона. 16 июля он уже в Риге, на совещании работников сельского хозяйства Прибалтики.

Отец увидел своими глазами, что сев прошел нормально, хозяйства готовятся к уборке. Оставалось дожидаться результатов. Называя в своем выступлении на Пленуме цифры пока только запланированного на 1955 года урожая, отец не зря оговорился: «Если погода не подведет...» В 1954 году она еще как подвела, засуха выжгла урожай на полях южной Украины и Поволжья. Тогда спасла целина, я уже писал об этом.

Погода снова подвела, на сей раз ударила по целине. Дождей там не выпадало все лето, хлеба горели не только в переносном, но и в прямом смысле, на полях бушевали пожары. В такую сушь их мог вызвать любой окурок. Задожидло только к осени, в уборку, когда дождь не во благо. Гидрометеослужба прислала отцу справку за 65 лет наблюдений: с 1890 года, в тех районах засуха случалась десять раз, в среднем – каждые шесть-семь лет: в 1890, 1900, 1911, 1913, 1921, 1929, 1936, 1948, 1951, 1952 годах. Одиннадцатая выпала, как нарочно, на 1955 год. С засеянных 16 миллионов гектаров едва удалось собрать столько, сколько бросили в землю.

Настроение у отца упало, дома о целине он почти не упоминал, обычное осеннее уборочное турне отменил, не хотелось в тот год ехать на целину, смотреть на мертвые выжженные поля. А посетить благополучные регионы и не заехать на целину – еще хуже, это прямое признание поражения. Вот он и никуда не поехал. Только в самом конце года, в двадцатых числах декабря «заскочил» в Ташкент, послушал хлопкоробов и сам, непривычно коротко, выступил у них на совещании. Недоброжелатели воспрянули духом: «Мы же говорили, мы же предупреждали», – шептали по углам. Самый заметный из целинных оппонентов отца Молотов злорадно заявлял, что целина провалилась. Отец оборонялся, доказывал, что год на год не приходится, а годом раньше засуха ударила по районам традиционного земледелия, тогда целина всех выручила.

В 1955 году страну выручили Украина, Северный Кавказ и Поволжье. В результате зерна собрали даже больше, чем в 1954 году, 103,7 миллиона тонн (85,6 миллиона тонн в 1954-м). Из общего урожая закупили 36,9 миллиона тонн (в 1954 году 34,6 миллиона тонн). Средняя по стране урожайность тоже возросла: 8,4 центнера с гектара по сравнению с 7,7 центнерами в прошлом году.

Однако потребляла страна по-прежнему больше, чем производила: в 1955 году – 40,3 миллиона тонн зерна (в 1954 году – 42,5 миллиона тонн). В результате государственные резервы еще более сократились, с 6,3 миллионов тонн до 3,8 миллиона тонн. Сократились до чрезвычайно опасной отметки, составив менее десяти процентов от потребностей страны. Случись что, и голода не избежать.

Отец все это понимал, с горечью отметил на заседании Президиума ЦК, что «из ямы мы так и не вылезли», но и поделать он ничего не мог. Не карточки же вводить через десять лет после окончания войны. Снова заговорили о скармливаемом скоту хлебе. Хлебе, который приходится брать из скудного резерва. И снова никакого решения не приняли.

14 ноября 1955 года отец выступил на коллегии Министерства сельского хозяйства, куда пригласили и всех республиканских министров. Говорил об уроках уходящего года, но больше о годе наступающем. Упомянул он и о целине, в 1956 году там собирались засеять более тридцати миллионов гектаров и собрать, если погода не подведет, миллиард пудов зерна. Целинный миллиард!